

ПУШКИН В ПОЭТИЧЕСКИХ ВОСПОМИНАНИЯХ ФЕДОРА ГЛИНКИ

Вскоре после того, как Глинка узнал о смерти Пушкина он создал произведение, в котором правомерно видеть одну из важнейших вех его творческой биографии. – «Воспоминание о пиитической жизни Пушкина», которое может быть правильно понято лишь в свете их предшествующих отношений, продолжавшихся почти два десятилетия.

Участие Глинки в судьбе Пушкина в 1820 г., обмен поэтическими посланиями между ними, двойственное отношение Пушкина к Глинке – уважительное как к «почтеннейшему человеку здешнего мира» и пренебрежительно-ироническое как к «Фите, Кутейкину в эполетах», «ухарские псалмы» которого не раз становились предметом его насмешек, – факты более или менее известные.

Один из центральных эпизодов их творческого общения – рецензия Пушкина на поэму Глинки «Карелия». Она получала у исследователей разные оценки. Одни называли ее «благожелательной» (1, с. 102), другие акцентировали внимание на том, что Пушкин, хоть и похвалил поэму, но «скупо» (2, с. 412). Первая точка зрения, на наш взгляд, ближе к истине. Присмотримся к тому, как выражена пушкинская мысль: «Небрежность рифм и слога, обороты то смелые, то прозаические, простота, соединенная с изысканностью, какая-то вялость и в то же время энергическая пылкость, поэтическое добродушие, теплота чувств, однообразие мыслей и свежесть живописи, иногда мелочной, – все это дает особенную печать его произведениям. Поэма Карелия служит подтверждением сего мнения» (3, т. 11, с. 110).

В августе 1830 г., проезжая через Тверь, куда Глинка был к тому времени переведен из Петрозаводска, Пушкин просит его о встрече. В ней участвовал и Вяземский, и спустя несколько месяцев Глинка писал ему: «Если увидите А.С.Пушкина, прошу обнять его сладкими объятиями поэзии и дружбы; я всегда любил и люблю его от души» (4, с.385). А вскоре после этого отослал уже самому Пушкину письмо, которое начиналось словами: «Драгоценное посещение ваше для меня сугубо-памятно. Вы утешили меня как почитателя вашего, давно желавшего вас видеть и обнять и, в то же время, вы приняли во мне участие, как человек, в котором совсем *не отразился* настоящий век. С добродушием, приличным старому, доброму времени, вы сами взялись похлопотать (разумеется, по возможности) об улучшении моего положения» (3, т. 14, с.200).

Когда Пушкин стал собирать материалы для выпуска «Северных цветов», издаваемого в память Дельвига, он обратился к Глинке с просьбой участвовать в этой «поэтической тризне». Глинка откликнулся немедленно и прислал в

альманах прозаический этюд и несколько стихотворений. В его ответном письме Пушкину есть такие слова: «Смею уверить, что я Вас любил, люблю и (сколько за *будущее* ручаться можно) любить не перестану! – Многие любят Ваш талант; я любил и люблю в Вас – всего Вас» (3, т. 14, с. 243).

Упомянутых эпизодов в отношениях обоих поэтов исследователи хоть как-то касались, но – странное дело! – самое большое и содержательное, что Глинка написал о Пушкине, - стихотворение 1837 года обходилось и обходится полным молчанием. О нем не упоминает даже Замков, статья которого «Пушкин и Ф.Н.Глинка», напечатанная более 90 лет тому назад, остается единственной попыткой целостной характеристики отношений Пушкина и Глинки, а там, где оно упоминается, не удостоено хотя бы самого беглого разбора. Между тем, повторим еще раз, стихотворение это особенно важно тем, что оно – итоговое, вобравшее в себя и поступки, и оценки, и свидетельства об отношении Глинки к Пушкину на протяжении предшествующих лет.

Как уже говорилось, произведение Глинки было одним из десятков, ставших поэтическими откликами на потрясшее русское общество известие о гибели великого поэта. Среди них такие известные вещи, как «Смерть поэта» Лермонтова, «29 января 1937» Тютчева, «Лес» Кольцова, «На память» Вяземского, «Венок на гроб Пушкина» Полежаева и др. Многие из них и по популярности, и по литературной ценности превосходят написанное Глинкой. Но, видно, не зря Пушкин сказал о Глинке, что он из русских поэтов, может быть, самый оригинальный. Его поэтический отклик на смерть Пушкина, наверное, самый оригинальный, самый необычный.

Начнем с того, что сам его жанр не без труда поддается определению. С какой-то точки зрения, оно представляет собой небольшую поэму: довольно объемно, делится на девять перенумерованных главок (Глинка называет их строфами, и мы также будем использовать этот неюеспорный применительно к данному случаю термин). Наконец, оно единственное, которое сразу после написания вышло в свет отдельным изданием. Сверх того, автор снабдил его многочисленными примечаниями, расположенными вслед за текстом, подобно тому, как он делал это в своих поэмах. С другой, эпическое начало органически слито здесь с лирическим. Большинство строф-главок завершается рефреном, к тому же набранным разрядкой: «А рок его подстерегал!...». Рефрен же, как известно, наиболее естественно выглядит в лирических текстах, особенно в песнях. Не редкость он и в стихах Глинки. Напомним такую вещь, как «А ветер выл». Слова, вынесенные поэтом в название, трижды повторены в конце строф. Еще более характерный пример стихотворение «Госка больной Нины», имеющее подзаголовок «Романс». Здесь мы видим пятикратное повторение рефрена «Я жду тебя...».

Но еще важнее другое. При всем многообразии поэтических откликов на смерть Пушкина среди них не найдешь такого, который носил бы мемуарный характер. Глинка же не только придал его своему произведению, но и демонстративно подчеркнул это заглавием: «Воспоминание о пиитической

жизни Пушкина». Что оно должно означать: воспоминание о поэзии Пушкина или воспоминание о жизни, которая сама по себе была «пиитической»?

Как бы то ни было, в стихотворении Глинки была предпринята попытка рассмотреть великую и трагическую судьбу Пушкина как целое, выявить своеобразие его личность. Более того, перед нами периодизация его творческого пути и указание на то главное, что определяет каждый из этапов. Путь Пушкина – это непрерывное восхождение, достижение все новых творческих высот, все большее совершенство творений, все больший успех у публики.

И вместе с тем, диссонировав с тональностью гимна, не умолкая звучит трагическая нота, предупреждение об опасности, предчувствие гобели – «А рок его подстерегал!». Здесь перед нами идея незащищенности поэта, имеющая очевидные декабристские корни. У декабристов поэт – это, как правило, жертва, точнее – возвышенная личность, готовая и даже ищущая возможности принести себя в жертву во имя общего блага.

Первая строфа стихотворения (или поэмы?) Глинки посвящена лицейскому периоду биографии поэта.

Я помню, в детские он лета
Уж с *Музой важною* играл... (5, с. 420).

Конечно, никаких собственных воспоминаний об этом периоде у Глинки быть не могло. Здесь перед нами образ, созданный по мотивам стихов самого Пушкина, притом не только лицейских. Так стихотворение «Муза», о котором напоминает Глинка, было написано значительно позднее, уже в южной ссылке. Строка этого стихотворения «И гимны важные, внушенные богами», надо думать, и побудила Глинку написать, что Пушкин уже тогда играл «с *Музой важною*», да еще выделить эти слова курсивом, с помощью которого авторы в XIX веке имели обыкновение выделять цитаты. Впрочем, в дальнейшем Глинка будет использовать курсив не раз и почти везде не для выделения чужих слов, а для акцентирования своих, предания им преимущественной весомости и значимости.

Хотя Пушкин в лицейские годы проходил этап становления: «науку песен изучал», он уже тогда стал «царем цевниц». Лишь во второй строфе Глинка напомнит о том, что

в певце поэта-Великана
Певец Фелицы обличил,

но этот факт имел место раньше: Державин умер до того, как Пушкин окончил лицей. Надо думать, Глинка сместил сроки не случайно: вторая глава повествует о стремительном расцвете Пушкина, происходившем уже на глазах Глинки («еще мне памятной те лета») о первой пушкинской поэме, на которую,

как мы помним, Глинка откликнулся восторженным стихотворением, о том, «как дружно вдруг его напевы, как пышно хлынули рекой» - словно опасаясь, что это сравнение не будет оценено читателем в должной мере, добавляет усиливающее его примечание: «Иные начинают каплями... Поэзия Пушкина вдруг хлынула рекой» (5, с. 425). И как ни велики были «шум заслуженных похвал», «молва и треск рукоплесканья», Пушкин в стремительности своего развития их превосходил, «обгонял».

Следующая строфа рисует Пушкина таким, каким Глинка знал его в годы после окончания Лицея и до высылки на юг. Перед нами многогранность и динамичность характера, увиденные взором тонкого и проницательного наблюдателя.

Поэт умом сверкал в речах,
Скропленных солью и отвагой;
Когда ж вскипал страстей огнем,
Он, пылкий, был *Отелло* истый:
И живо обличался в нем
Приметы Африки огнистой.
Но вихорь скоро пролетал,
И он опять смирен бывал!..(5, с. 421).

Глинка склонен предположить, что светская жизнь, «лак паркета», на который Пушкин «с толпою поспешал <...> в блеске сам он с ней

душою был не в лад
И в ней смешное эпитафией
Хлестал и метко и впопад (5. 421).

Не подлежит сомнению, что это Пушкин – неотъемлемая часть и средоточие декабристского круга. Но это и Пушкин, познающий уклад и детали жизни света, с таким блеском описанные в первой главе его романа в стихах. Глинка указывает и на это:

Уж в голове его Онегин,
Как плод под бурей созрел...

Глинка очень обтекаемо и непонятно для непосвященных говорит о причинах ссылки Пушкина:

И вот из Северной Пальмиры
Он бурей жизни унесен;
Непрочность благ узнал и он!

И уж конечно, ни словом не упоминает о прямой связи отъезда «из Северной Пальмиры» с эпиграммами, которыми он «хлестал и метко и впопад». Но чистой правдой были слова Глинки о том, что переезд на юг знаменовал новый взлет пушкинского творчества: «и зазвенели струны лиры / Под искусенною рукой...». В видимом, может быть, и намеренном беспорядке проходят в поэтических воспоминаниях Глинки картины и образы южных поэм и при этом автор многократно упоминает об их восприятии читателями, о воздействии, которое они производили на современников: «И дивной прелестью рассказа, / В котором будет жить Кавказ, / Он упоил, разнежил нас!», «*Бахчисарайского фонтана* / Не смолкнет долго, долго шум!..», «...То *старого Цыгана* / Кочует пестрая семья, – / Туда летал душою я!», «Мне пела песни *Мариула* – / И нам знакома песнь ея», «*Вся эта жизнь без уз, без неги / Давно вам стала как своя*»,

Как сладко *Пушкина* нам лира
Пропела весь *цыганей* быт!
Ах! Эту дивную *поэму*
С отцветом жизни кочевой
И страстно-пылкую *Зарему*
Чье сердце не слило с собой?! (5, с. 421-422).

В следующей, пятой строфе налицо также определенное хронологическое смещение. Первый стих «Своей Итаке возвращенный» наталкивает на мысль, что речь идет о том периоде жизни Пушкина, который начался осенью 1826 г., когда царь разрешил поэту вернуться в Петербург. Это как будто подтверждается последующим рассказом об образе жизни Пушкина. «Созывать вновь своих друзей», рассказывать им «дивные повести» «о жизни, о боях страстей» «в разгаре дружбы говорливой» он ни на юге, ни в Михайловском не мог – это стало осуществимым лишь после возвращения из ссылки.

Но здесь же цитируется написанное в 1823 г., т.е. еще на юге стихотворение «Демон», о котором в примечании говорится: «Эта прекрасная пьеса написана Пушкиным **около того времени**, про которое намекаем в 5-й строфе беглого очерка пиитической жизни Пушкина» (5, с. 425. Выделено нами. – В.Р.).

6-я строфа – знакомство с Н.Н.Гончаровой: «Свой идеал, свою мечту / Он раз в Москве заветной встретил», 7-я – последние годы, высший расцвет пушкинского гения:

Так он, всё теми же струнами,
 Всё вдохновением горя,
 Всё рос талантом между нами;
 И в гринде русского царя
 Являлся наших дней Баяном... (5, с. 424).

Лишь при внимательном, «медленном» чтении открывается, как много черт жизни и творчества, явных и скрытых упоминаний о деталях творческой эволюции поэта и отдельных произведениях кроется в стихотворении Глинки. Называя его «наших дней Баяном», он вызывает на размышления о народных, фольклорных корнях пушкинского творчества, выявляет самобытность Пушкина как национального поэта. А вместе с тем побуждает вспомнить и о Пушкине-бытописце: «Бытописания заря / Над ним прекрасная играла...». «Но яд уж пьет одна стрела» - это, конечно, навеяно «Анчаром»

И, наконец, Пушкин – «творец “Полтавы“» Это последнее из поэтических произведений Пушкина, упоминаемое Глинкой. Возможно, именно в нем он видел высшее свершение его «пиитической жизни», и, напомним, был в том не одинок. Сам Пушкин свидетельствовал, что эту «стихотворную повесть» «Жуковский, Гнедич, Дельвиг, Вяземский предпочитают всему, что я до сих пор написал» (6, с. 225). Строфы 8-я и 9-я содержат размышления Глинки после смерти Пушкина, к ним мы еще вернемся. А первые 7 (точнее: 1,2,3,4,6,7) заканчиваются повторяющимся рефреном (в строфе 5 он несколько изменен). И вот что интересно отметить: во всех этих строфах Глинка строит повествование так, чтобы грозный, мрачный рефрен, предрекающий будущую трагедию и усиленный неизменно повторяющимися восклицательными знаками, контрастировал со спокойствием и мажорным характером предшествующего рассказа. Вот как это сделано:

Он к ним чело свое в колени –
 И беззаботно засыпал;
А рок его подстерегал!
 (У Глинки выделено разрядкой. – В.Р)

Следя свой *дальний идеал*,
 Поэт летучий обгонял!..
А рок его подстерегал!

Уж в голове его *Онегин*,

Как плод под бурей, созревал;
А рок его подстерегал!

В волнах зеленых из-за скал
 Подстерегал нам *Нереиду*,
А рок его подстерегал!..

Он вмиг окован, очарован,
 И счастлив стал, и ликовал...
А рок его подстерегал!

Как многого, за дань похвал,
 В его полуденные лета,
 От *бытописца* и *поэта*
 Еще край русский ожидал!!!
Но рок его подстерегал...

В действительности первые семь строф и отвечают заглавию «Воспоминание о пиитической жизни Пушкина», именно они определяют своеобразие стихотворения Глинки в ряду многих стихов, вызванных этим событием. Что же касается 8-й и 9-й, то в них Глинка пишет о том же, о чем писали и другие его современники. В восьмой – ощущение горя, страшной потери, неготовность поверить в страшную действительность случившегося. В девятой – убежденность в бессмертии Пушкина: «Он для России не умрет! <...> В защитной области потомства / Поэт бессмертен – и живет!» (5, с. 425).

Таким образом, есть все основания утверждать, что в обширном перечне поэтических откликов на смерть Пушкина стихотворению Глинки принадлежит свое и весьма значительное место. Оно единственное, в котором преобладает мемуарный элемент. Именно оно с наибольшей полнотой воплотило отношение Глинки к Пушкину.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1989
2. А.С.Пушкин. Школьный энциклопедический словарь. М.: Просвещение, 1999

3. Пушкин. Полн. собр. соч. тт. 1-16. М.;Л.: Изд. АН СССР. 1937-1949
4. Северные цветы на 1832 год. Издание подготовил Л.Г.Фризман. М.: Наука, 1980
5. Глинка Ф.Н. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1957
6. А.С.Пушкин о литературе. М.: Гослитиздат, 1962, с. 225.

АННОТАЦИЯ

Статья содержит первую попытку детального анализа стихотворения Глинки «Воспоминание о пиитической жизни Пушкина». От многих других стихотворений о Пушкине ее отличает именно ярко выраженный мемуарный элемент. В нем проявилось поэтическое мастерство Глинки, своеобразие его творческого почерка. В нем с наибольшей полнотой проявилось отношение Глинки к Пушкину.